

2

Путь к просветлению

Стать буддой способен каждый человек, но лишь один открыл путь для всего остального человечества. Если быть совершенно точным, нужно сказать «открыл заново»: ведь, согласно традиции, до него были и другие будды — много других первооткрывателей, которые прошли путь высшей эволюции. Но, говоря «Будда», мы имеем в виду Сиддхартху Гаутаму, который открыл этот путь в полнолуние лунного месяца, соответствующего апрелю-маю 542 года до н. э. Сам он говорил об этом так: «Представьте, что человек, блуждавший в чаще леса, нашел древний путь, древнюю тропу, которой пользовались люди в давние времена. Он пошел по ней и обнаружил прекрасный древний город, окруженный стеной, древнюю столицу царства, где жили древние люди, где были парки, рощи и озера. Вот так и я нашел древний путь, древнюю тропу, которой шли полностью просветленные люди древности». ⁵

Именно поэтому *вайшакха пурнима*, день полнолуния индийского месяца *вайшакха*, занимает в буддийском календаре совершенно особое место. На языке пали вайшакхе соответствует *весакха*, а в сингальском языке — *весак*, откуда и пошло название самого важного из буддийских праздников.

Во время весака буддисты празднуют событие, которое считают величайшим из известных миру, — день, когда впервые в истории непросветленное существо, человек, превратился в просветленного. Они отмечают день, в который Сиддхартха Гаутама окончательно освободился от всех человеческих не-свобод, от всех человеческих ограничений, чтобы слиться с высшей реальностью, или даже можно сказать, чтобы стать живым воплощением высшей истины, буддой.

Поэтому может показаться удивительным существование некоторых разногласий по поводу того, что именно празднуют во время весака. Тем не менее, каждый раз, когда в Индии меня приглашали принять участие в праздновании весака, в качестве оратора или каком-либо другом, меня обычно просили почтить (или удостоить) своим присутствием — так принято учтиво выражаться в Индии в подобных случаях, — «этот трижды священный день (или праздник)». Но почему «трижды священный»? Неужели сказать просто «священный» недостаточно? Ведь что-то либо является священным, либо нет — такие мысли могут у вас возникнуть. Тем не менее, для такого названия, разумеется, есть причина. Согласно некоторым источникам, вайшакха пурнима — годовщина не одного, а трех событий: рождения Будды, достижения просветления, а также его окончательного ухода, или *паринирваны*. Считается, что все они произошли в один день — конечно, в разные годы, но, по удивительному совпадению, в тот же самый день полнолуния. Однако необходимо отметить, что эта традиция трижды священного дня вайшакха пурнимы основывается на гораздо более поздней традиции, которая возникла в Шри-Ланке и оттуда распространилась в другие страны, исповедующие тхераваду. Остальная часть буддийского мира — страны, исповедующие буддизм махаяны, празднуют рождение Будды и его паринирвану в другие дни года, и такой обычай определенно представляется более ранним и к тому же более разумным.

Мало того, что есть разные мнения о том, знаменует ли весак что-нибудь еще, помимо просветления Будды, — вдобавок в разных частях света буддисты отмечают его в соответствии с разными национальными традициями. В Шри-Ланке и Бирме люди зажигают свечи и подносят их в память о Будде. В Тибете это будут масляные светильники, причем

определенное количество: 108 или 1008. Во многих буддийских странах вы услышите, как верующие распевают стихи, восхваляющие Будду, — иногда несколько часов подряд, а бывает, что и целые сутки. В других местах устраивают лекции и обсуждения, а некоторые буддисты, конечно же, будут просто медитировать. Если взять более светский уровень то вы увидите, что для монахов устраивают угощение, — в некоторых буддийских странах это весьма популярное времяпрепровождение по случаю любого праздника. Собирают как можно больше монахов, усаживают рядами на полу и подносят им пищу. Традиционно считается, что у монахов очень хороший аппетит, и в некоторых местах полагают, что количество заслуг, получаемых от угощения монаха, напрямую зависит от количества съеденной им пищи. В таких случаях щедрость не знает границ и отказов не бывает. На Западе буддисты, конечно, тоже соблюдают эти старые обычаи, но многие разрабатывают и собственные культурные традиции празднования весака.

На каком бы уровне и как именно ни праздновали бы весак буддисты, всех их объединяет одна главная тема и цель — торжество по случаю появления Будды в нашем мире. В этом они следуют традиции, уходящей в глубь веков, и, чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть на ранние образцы индийской резьбы по камню, запечатлевшие буддийские сюжеты. На одном особенно впечатляющем изображении Будда в символическом облике восседает на троне. Его окружают монахи, монахини и миряне. Сложив руки над головой, все они делают подношения: гирлянды, фрукты, шарфы — самые разнообразные дары. Что особенно примечательно в этой сцене, так это несомненная радость на лицах и в позах всех людей, поклоняющихся и делающих подношения Будде. Создается впечатление, что так восторженно и торжественно могли праздновать только событие безграничной, поистине космической важности. Едва ли будет преувеличением сказать, древний художник изобразил верующих так, будто они обезумели от радости, — если можно представить, что буддисты способны обезуметь от чего бы то ни было. Но, похоже, с ними случилось именно это — они просто потеряли голову от радости.

Это единственная эмоциональная реакция — во всяком случае, в понимании данного художника, — которая способна отдать должное завоеванию Будды, достигшего вершины человеческого развития. И всё же глубинный источник радости, выражаемой его последователями во время весака, — это не только тот факт, что он сам достиг просветления, а еще и то, что он открыл путь, осветил дорогу, по которой за ним могут последовать другие. Таким образом, вопрос, как Будда стал просветленным, не является чисто теоретическим. Конечно, при желании к нему, как и к любому вопросу, можно подойти теоретически, но по существу это вопрос величайшей практической важности. Будда не унаследовал просветление, он не родился просветленным. Он достиг просветления только после многих лет борьбы — и даже ошибок. Собственными усилиями, собственной жизнью он показал, что и мы тоже можем собственными усилиями обрести просветление.

По сути дела, это открывает совершенно иной подход к Дхарме, пути к просветлению. Мы уже говорили, что ее можно рассматривать в аспекте эволюции, последовательных этапов, которые следует пройти, — как нечто вроде дороги с множеством вех, отмечающих пройденное расстояние. У этого пути есть три больших этапа: нравственность, медитация и мудрость, хотя существует и множество других способов подразделения и классификации пути к просветлению. Но можно избрать и менее традиционный подход — рассмотреть путь с точки зрения событий, знаменующих жизнь Будды.

Размышлять о биографических подробностях, относящихся к раннему периоду жизни Будды, — не значит проявлять интерес только к духовному пути, пройденному человеком, который жил две с половиной тысячи лет назад. Это значит размышлять о пути, по которому можно идти здесь и сейчас, о пути, по которому вы полны решимости идти, если вы буддист и ваша конечная цель — состояние будды. Иными словами, празднуя просветление Будды, мы, буддисты, не просто радуемся по поводу события, случившегося в далеком прошлом. Мы напоминаем себе: если мы еще не начали думать о собственном просветлении, пора это сделать, а если уже начали, нужно думать о нем настойчивее, серьезнее и глубже.

Поэтому, чтобы получить общее представление о пути к просветлению, мы рассмотрим ключевые события, относящиеся к раннему периоду жизни Будды, а потом отберем для более подробного исследования некоторые важнейшие эпизоды или особенности его жизни, имеющие непосредственное отношение к нашему собственному процессу развития в направлении просветления. Как и жизнеописание Будды в целом, эти особо примечательные эпизоды, по существу, являются историческими фактами, так как мы знаем, что они действительно имели место. Однако в дошедших до нас версиях содержится определенная доля легенд, и именно эта фольклорная составляющая помогает выявить универсальное значение внешних событий, их внутреннее духовное измерение. Помимо всего прочего, мифологический аспект помогает понять, что эти события имеют отношение не к духовному пути одного человека, но к пути каждого, кто стремится расти и развиваться как личность.

Очень часто можно услышать, что Сиддхартха Гаутама, ставший Буддой, родился в Индии, и сто лет назад это было бы верно. Но государственные границы меняются, и сегодня следовало бы сказать, что место его рождения — южная часть современного Непала. Он родился в племени шакьев, которое многие столетия населяло эту область в предгорьях Гималаев. Не вполне соответствует истине и то, что — как, опять же, часто можно услышать — его отец Суддходана Гаутама был царем этого племени. В то время, когда Сиддхартха, появился на свет, его отец, несомненно, носил титул раджи, но сегодня его, скорее всего, называли бы президентом. Как и другие мелкие племена северо-восточной Индии, шакьи в то время имели полуреспубликанскую форму правления и своего правителя избирали из состава собрания рода на установленный срок — двенадцать лет. В заключительный период жизни Будды маленькие республики Индии проглотила набирающая силу империя Магадха, но в пору его рождения они в большинстве своем процветали.

Майядэви, мать Сиддхартхи, была дочерью вождя соседнего племени колиев. По тогдашнему обычаю, который до сих пор сохранился во многих частях Индии, первый ребенок должен был появиться на свет в доме родителей матери. Поэтому, почувствовав приближение родов, Майядэви

отправилась из Капилавасту, столицы шакьев, в город своего отца — насколько известно, ее несли в паланкине. Она была только на полпути, когда, почувствовав схватки, вышла из паланкина и в роще деревьев *сал* неподалеку от местечка Лумбини родила того, кому суждено было стать Буддой. Вскоре она умерла — по преданию, через семь дней.

Мальчика вырастила тетя по материнской линии Махапраджапати Гаутами, на которой женился его отец. О детстве Сиддхартхи мало что известно — в конце концов, это было две с половиной тысячи лет назад. Выделяется лишь один подлинный эпизод, происшедший, когда ему было лет пять-шесть или, может быть, семь, во время ежегодного праздника первой борозды. Во всех цивилизациях, главным занятием которых было земледелие, первый весенний сев являлся собой событие, имевшее магическое и мифическое значение, и первую борозду всегда проводил царь или вождь. Это было одной из обязанностей императоров древнего Китая, и император Японии вплоть до недавнего времени каждый год торжественно открывал пахоту — очевидно, поэтому такая обязанность выпала и на долю отца Сиддхартхи. Более поздние источники сообщают, что для этой цели использовали золотой плуг, который тянули прекрасные белые быки (рассказчики любят приукрасить). Но, если не обращать внимания на ценность сельскохозяйственного инвентаря, можно с уверенностью сказать, что этот обряд проводил отец Сиддхартхи и что сам Сиддхартха тоже при этом присутствовал.

Мальчика усадили на краю насыпи, в тени дерева *джамбу*, и именно там он испытал то, что сегодня мы назвали бы спонтанным мистическим переживанием. Как вспоминал сам Будда много лет спустя, беседуя со своими учениками, под этим деревом он испытал выход за пределы сознания, который называют *дхьяна*. Это переживание было столь глубоким, что праздника он так и не увидел и еще не пришел в себя, когда за ним пришли, чтобы отвести домой.

Именно здесь в описании событий вклинивается любопытный эпизод из легенды. Хотя обряд начался в полдень, а закончился вечером, всё это время тень от дерева джамбу оставалась на месте. На уровне буквального понимания это можно было бы назвать чудом, но, наверное, будет разумнее истолковать этот эпизод символически. Буквально он означа-

ет, что солнце стояло на месте, а на символическом уровне подразумевает, что для маленького Сиддхартхи остановилось само время.

Как мы увидим дальше, это мистическое переживание — или, скорее, память о нем — оказало решающее влияние на то направление, которое принял духовный поиск Сиддхартхи. Но переживание переживанием, а он все же был кшатрием, воином, и воспитывать его следовало как воина. Таково было его сословие — сословие, к которому принадлежало всё племя. То было племя кшатриев, поэтому он, можно сказать, родился воином, как другие рождались брахманами (жрецами), вайшьями (торговцами и крестьянами) или шудрами (низшим сословием) — и продолжают рождаться ими сегодня, хотя в наши дни эти четыре сословия включают в себя около двух тысяч каст.

Детство и юность того, кому суждено было стать Буддой, прошли не в усердном изучении философии и религиозных практик, а в освоении стрельбы из лука и метания копья, владения мечом и управления боевой колесницей. Учитывая его царское происхождение, он должен был получить наилучшее образование в области боевых искусств. К тому же царевича должны были посвятить в разнообразные традиции, обычаи, верования и суеверия его племени и познакомиться с основами истории и генеалогии. Разумеется, всё, что он узнал, передали ему из уст в уста старейшины племени. Ведь до сих пор не ясно, учился ли Будда читать и писать. Принято считать, что он был культурным, образованным и хорошо воспитанным, хотя в школе никогда не учился (правда, вопрос о том, является ли образованность следствием школьного обучения, отнюдь не бесспорен). Отец в нем души не чаял, и в целом жизнь его была спокойной, богатой и не обремененной никакими особыми обязанностями.

При всем при том, воспитание Сиддхартхи не было таким уж простым и незатейливым. Вскоре после рождения царевича отец отнес его к *риши*, мудрецу Асите, чтобы тот составил гороскоп. Тогда в Индии это было общепринято, как и сейчас. Даже среди так называемой элиты, находящейся под сильным влиянием Запада, едва ли найдется человек, который не сделает этого для своих детей, особенно сыновей. Ведь хочется знать, что случится с вашим ребенком, какое

будущее его ожидает, вот вы и обращаетесь к астрологу. Как был составлен гороскоп Сиддхартхи, точно не известно, но мы знаем, что младенца вручили Асите и риши произвел необходимые расчеты. Он предсказал, что мальчика ожидает замечательное будущее: Сиддхартха либо станет великим кшатрием — великим воином и правителем, либо откажется от всего этого и станет великим духовным учителем.

Конечно же, такое предсказание не на шутку обеспокоило Суддходану. Ему понравилась перспектива увидеть сына прославленным завоевателем — еще как понравилась, зато ужаснула мысль, что мальчугану может взбрести в голову вовсе удалиться от мира и направить свои дарования на духовный поиск. Чем старше становился Сиддхартха, тем больше Суддходана размышлял о его будущем. «Хочу, чтобы сын вырос таким, как я, — думал он. — Хочу, чтобы он был храбрым и сильным, чтобы расширил владения племени, а если риши не ошибся, чтобы он стал великим правителем и, быть может, подчинил себе всю Индию. Нельзя допустить, чтобы он тратил время на весь этот религиозный вздор. А потому надо постараться, чтобы он ни о чем особенно не задумывался, не сталкивался с темными сторонами жизни, — по крайней мере, до поры до времени. Его помыслы должны быть твердо устремлены на мирские дела».

Поэтому Суддходана решил сделать так, чтобы юный царевич ни в чем не нуждался, а жизнь была для него лишь источником самых утонченных чувственных наслаждений. Позднее, рассказывая о своей жизни, Будда вспоминал, что отец предоставил ему три прекрасных дворца, по одному на каждое время года, чтобы он никогда не испытывал неудобства от жары, холода или дождей. Еще он рассказывал, что в этих трех дворцах было полным-полно очаровательных юных танцовщиц и пленительных юных певиц, и его дни и ночи проходили в пирах, танцах и песнях, так что одно наслаждение сменялось другим, не оставляя ни мгновения для печали.

В шестнадцать лет он женился на своей двоюродной сестре Яшодхаре. Конечно же, этот брак устроили родители: и сегодня в Индии о браке почти всегда договариваются родственники невесты и жениха, а не они сами. Царевич остепенился, зажил вполне счастливо, и это продолжалось много

лет. И все-таки его не оставляло подспудное чувство неудовлетворенности жизнью. Что-то в ней было не так. Получив известие, что жена родила сына, он повел себя не так, как можно было бы ожидать от гордого отца. Когда его спросили, как назвать мальчика, он ответил: «У меня родились путы, так назовите его Рахула»⁶, потому что буквальный смысл имени Рахула именно таков — «путы». Он словно чувствовал, чего с самого его рождения пытается добиться отец. Каким-то образом он знал, что Суддходана старается его связать: связать наслаждением, связать богатством, связать властью, семьей, женой и ребенком. Царевич понимал, что происходит. Он забросил боевые искусства и утратил интерес к развлечениям и увеселениям, которые ждали его дома. Семейная жизнь его не радовала.

Всё чаще он надолго уединялся, чтобы предаться размышлениям, и в какой-то момент он, по-видимому, пережил нечто вроде духовного кризиса, хотя, конечно, в ранних текстах это называется иначе. Этот поворотный пункт, психологический и духовный, известен всем буддистам по драматическому эпизоду, получившему название «Четыре встречи». Невозможно утверждать наверняка, легенда это, внешнее проявление переживания, возникшего в результате интенсивного внутреннего поиска, или всё действительно случилось именно так, как повествует дошедшая до нас история. Одно можно сказать с уверенностью: история о четырех встречах в сжатом виде очень ярко излагает некоторые основополагающие учения буддизма и в то же время проливает свет на ранний этап духовного развития самого Будды.

История эта начинается так: однажды погожим утром Сиддхартха позвал своего колесничего и приказал запречь лошадей для прогулки.

— Посмотрим, что в мире делается, чем народ занимается, — сказал он.

— Боюсь, ничего у нас не выйдет, — покачал головой колесничий. — Это не в моих силах. Ты же знаешь, царь запретил тебе выезжать на люди.

Но царевич настаивал:

— Не беспокойся. Отвечать буду я. Если царь захочет что-нибудь сказать по этому поводу, пусть скажет мне. Поехали!

Возничий хлестнул коней, и они помчались. Вот колесница въехала в деревню, и Сиддхартха увидел, что жизнь там течет примерно так, как он и ожидал. Но вдруг его внимание привлек древний старик.

В традиционных источниках приводится яркое описание внешности этого старца: ветхий, сморщенный и согбенный, кожа да кости, он ковылял опираясь на палку. У него была длинная белая борода, глаза слезились. Может быть, вам покажется, что это описание несколько сгущает краски, но в Индии вам бы так не показалось. Из-за климата и тяжелой жизни тамошние старики даже сегодня порой выглядят очень дряхлыми. Лет в пятьдесят-шестьдесят у них такой вид, словно им перевалило за сто. Следует помнить, что, согласно легенде, отец намеренно ограждал царевича от всех неприятных сторон жизни, в том числе и от старости. Поэтому, увидев ветхого старца, Сиддхартха указал на него и молвил:

— Кто это... Что это такое?

«Раньше или позже он всё равно узнает», — подумал колесничий и ответил:

— Это старик.

— Но почему у него такой вид? Почему он такой согбенный? Почему все кости торчат наружу? Почему слезятся глаза?

Колесничий не привык отвечать на подобные вопросы — ведь такое услышишь разве что от малых детей, — а потому сказал:

— Потому что он старый.

Сиддхартху явно не удовлетворило такое объяснение:

— Но почему он стал таким?

— Так уж бывает, — мягко объяснил колесничий. — Чтобы состариться, не нужно ничего делать: мы просто стареем. Так уж заведено в природе. Боюсь, что все становятся старыми.

Юный царевич почувствовал, как по телу пробежали мурашки.

— Как, все? — спросил он, и колесничий подтвердил:

— Ну, конечно, все.

— А как же я? Я тоже стану таким?

— Твой отец-царь, твоя мать-царица, твоя жена, я и ты тоже — все мы станем старыми, — кивнул колесничий.

Говорят, что эта новость подействовала на Сиддхартху как удар молнии на слона: он был так потрясен, что весь покрылся холодным потом.

— Что толку быть молодым? — сетовал он. — Что толку быть сильным и бодрым, если в конце концов всё равно станешь таким ветхим и немощным?

На него напала тоска.

— Думаю, на сегодня достаточно. Поехали домой, — сказал он и всю дорогу во дворец размышлял о том, что узнал.

Так повествует легенда о первой встрече. Не так уж важно, действительно ли в тот день Сиддхартха впервые увидел старика, но истинное значение этой встречи неоспоримо. Возможно, до этого он встречал многих стариков, но не видел их по-настоящему. Быть может, в тот день он увидел старика как будто в первый раз. Ведь именно так обычно и бывает. Мы видим какой-то предмет — возможно, каждый день, как восход и заход солнца, — но не видим его по-настоящему, потому что не осознаём и не задумываемся. Мы видим и в то же время не видим. Мы слепы. Можно годами работать в доме престарелых и не принимать старость близко к сердцу. Затем, по мере развития некоторой осознанности и ясности, мы можем обнаружить, что вещи предстают перед нами в новом свете, так что кажется, будто мы видим их впервые. Так и Сиддхартха осознал, впервые в жизни осознал по-настоящему, что есть такое явление, как старость, и что молодость быстротечна, даже для него.

Как ни был царевич потрясен этим открытием, несколько дней спустя он вновь выехал из дворца и, как повествует легенда, снова увидел нечто такое, чего раньше никогда не встречал. А увидел он лежащего у обочины больного, с которым случился приступ лихорадки или какого-то похожего недуга. Бедняга метался в жару, и рядом не было никого, кто бы о нем позаботился. И снова Сиддхартха попросил колесничего объяснить, что происходит:

— Скажи, что случилось с этим человеком? Что у него за напасть? Почему он лежит здесь, у дороги? Почему бьется? Почему трясется и дрожит? Почему глаза закатились? Почему лицо такое бледное?

Разумеется, колесничему пришлось сказать в ответ:

— Да вот, заболел он.

Сиддхартха, чье здоровье, судя по всему, было отменным, пожелал узнать, могут ли выпасть такие страдания и на его долю.

— А с другими это бывает? Может такое случиться со мной?

И снова колесничий уверенно ответил:

— Все, и мужчины, и женщины, подвержены болезням. Болезнь может прийти в любое время. В любой миг силы и здоровье могут нас покинуть, и тогда нам придется страдать от недуга.

Так что на обратном пути Сиддхартхе снова было о чем поразмыслить.

Но прошло несколько дней, и он вновь выехал на колеснице. На этот раз царевич увидел четырех мужчин, которые несли что-то наподобие носилок, положив ручки себе на плечи. На носилках лежал человек, обернутый в полотнище желтой ткани. Лицо было открыто, но выглядело как-то странно. Человек лежал совершенно неподвижно, лицо его ничего не выражало и казалось застывшим, а глаза были закрыты.

Конечно, в Индии такое можно и поныне увидеть каждый день. Индийские похороны весьма отличаются от того, к чему привыкло большинство людей на Западе. У нас, когда человек умирает, его уносят в ящике — и все. От него тихо избавляются, как от мусора, на который никто не желает смотреть. Его отправляют в крематорий или опускают в яму, которую тут же засыпают. В Индии к покойникам совсем другое отношение. Там умершего укладывают в лучшей комнате, а все родственники и друзья приходят, чтобы посмотреть на него и сказать: «Ах, он совсем не изменился! Лежит, как живой. Ну что ж, вид у него вполне счастливый и умиротворенный. Прощай старина». Они уронят слезу и бросят на труп несколько цветков, а потом четверо крепких мужчин поднимут его на плечи и понесут по улице, по-прежнему с открытым лицом. Труп плывет над толпой, которая следует за ним по жаре, а прохожие глаза и говорят: «Смотри-ка ты, да ведь это же такой-то! А я и не знал, что он умер».

Именно такую процессию увидел Сиддхартха и сказал колесничему:

— Как странно! Почему они несут этого человека? Что делают? Что сделал он?

Ответ колесничего был, как всегда, немногословен:

— Это мертвец

Разумеется, мы должны помнить, что смерть относилась к тем сторонам жизни, о которых Сиддхартху полагалось держаться в неведении, поэтому такое объяснение его озадачило.

— Мертвец? А что такое мертвец?

И снова колесничему пришлось объяснить подробнее:

— Понимаешь, он холодный, безжизненный, не дышит, не видит, не слышит, не чувствует. Он умер, и его несут к месту сожжения. Тело сожгут. Так всегда бывает, когда приходит смерть.

У Сиддхартхи дыхание перехватило от ужаса:

— И это тоже случается со всеми? Неужели она придет ко всем — эта смерть, как ты ее называешь? Неужели я тоже умру?

Колесничий глубоко вздохнул:

— Да. Твой отец и мать, твоя жена, твой ребенок — все они когда-нибудь умрут. Я тоже умру. И ты умрешь. Каждому, кто родился, суждено умереть. С сотворения мира родились миллионы мужчин и женщин и умерли, все до единого. В будущем наверняка родятся миллионы людей и тоже умрут, все до единого. Никто и никогда не избежит ледяной хватки смерти. Смерти подвластны все.

Как никогда печальный, задумчивый и подавленный, Сиддхартха приказал колесничему поворачивать коней и возвращаться во дворец.

Во время этих трех поездок он столкнулся с тем, что сегодня называли бы суровой правдой жизни — с теми фактами нашего бытия, избежать которых невозможно. Вы не хотите стареть, но с этим ничего не поделаешь. Вы не хотите болеть, но болезнь приходит. Вы не хотите умирать, но всё равно умрете, нравится вам это или нет. И вы начинаете задавать себе вопросы: «Почему я оказался в таком положении? Я хочу жить вечно, оставаться молодым, сильным и здоровым, но так не получится. Почему мне дано стремление жить и в то же время не дано ни малейшего шанса избежать смерти? Это загадка. Но почему передо мной стоит эта загадка? Откуда взялась эта тайна? Кто за нее в ответе: Бог?

Или судьба? Или просто всё так устроено? Есть ли какое-нибудь объяснение? Или никакого объяснения нет?»

Так бился Сиддхартха над этими важнейшими вопросами жизни и смерти, когда произошла последняя из четырех встреч. Вновь выехав на своей колеснице, царевич увидел человека — на нем была не белая одежда, как у всех, а необычное желтое облачение, а голова была обрита. Человек этот спокойно шел по деревенской улице, от дома к дому, держа в руке чашу для подаяния. Было в его сосредоточенной походке что-то притягательное, и Сиддхартха спросил колесничего:

— Похоже, этот человек в полном ладу с самим собой и с миром. Кто он такой?

— Ушедший, — ответил колесничий.

— Ушедший? — переспросил Сиддхартха. — А от чего он ушел?

— От мира, — объяснил колесничий, — от дома, от семьи. Просто оставил всё это, чтобы посвятить себя поиску Истины. Он пытается найти ответ на загадку бытия. Для этого он отринул все мирские связи, все домашние обязанности, все общественные и политические обязательства. Вот что значит «ушедший». ⁷

Таких людей можно встретить в Индии и сегодня, они по-прежнему носят желтые облачения. Их называют *садху*, что значит просто «добрый человек». Считается, что помочь им подаянием — значит совершить благое дело. Им подают еду, приглашают в дом, ухаживают за ними. Эта система действует почти без изменений вот уже две с половиной тысячи лет. Увидев именно такого человека, молодой Сиддхартха ощутил в себе побуждение уйти от мира. Совершенно невыносимые ограничения, свойственные человеческой жизни, слишком грубо вторглись в его сознание, чтобы можно было от них отмахнуться, забыть и просто продолжать жить дальше. Можно предпочесть их не замечать, но они никуда не денутся, и царевич это знал. И еще теперь он знал, что есть способ постичь смысл всего этого. После длительных раздумий царевич решил, что нет другого выхода, кроме как самому стать садху. Он чувствовал, что на эти вопросы необходимо ответить и что он не успокоится, пока ответ не будет найден.

И вот, однажды ночью, в полнолуние, когда всё стихло, Сиддхартха попрощался со своей спящей женой и с ребенком. Царевичу было больно их покидать, но иного выхода он не видел. О своем решении он не сказал никому, кроме верного колесничего, который оседлал коня, чтобы Сиддхартха в последний раз выехал из дворца, как подобает царевичу. Говорят, колесничий ухватился за конский хвост и бежал следом, — так они добрались до реки, отмечавшей границу владений шакьев. Там Сиддхартха остриг себе бороду и черные волосы, длинные и волнистые. В это время — как раз занималась заря — появился нищий, и Сиддхартха предложил ему обменяться одеждой. Нищего не пришлось долго уговаривать, хоть предложение и показалось ему чудным, и он продолжил путь, с изумлением и восторгом разглядывая свой новый богато расшитый наряд с золотыми и серебряными пуговицами и пряжками, сверкающими в первых лучах солнца. А Сиддхартха попрощался с верным колесничим и верным конем, проводил их взглядом и в одиночестве углубился в лесную чащу.

Он отправился на поиски учителей, которые, как он надеялся, проникли в высшую тайну бытия. Тогда, как и сегодня, в Индии было много людей, указывавших путь к достижению Истины. Переходя от одного наставника к другому и практикуя в соответствии с их наставлениями, Сиддхартха освоил всё, что они могли ему дать. Но он не был удовлетворен. Хотя их учения были хороши и глубоки, он знал: есть нечто выше их знания, выше их понимания. Он не ведал, как называется это нечто, не ведал, в чем оно заключается. Но он должен был его найти, должен был его постичь, должен был продолжать поиск.

Сиддхартха был благодарен за всё, что узнал, но продолжал путь. Он принял за жестокие аскетические практики. В Индии они были весьма распространены, как распространены и сегодня, поскольку считается, что, чем тоньше покров плоти, тем прозрачнее он для света духовного. Многие годы Сиддхартха умерщвлял свою плоть, и никто в Индии не превзошел его в самоистязании. Слава о его аскетических подвигах распространилась повсюду, говорят, она гремела как огромный колокол, подвешенный к небесному своду, и у него появились собственные ученики. Но однажды произошел

случай, который заставил его задуматься: а не движется ли он не в ту сторону? Как-то он потерял сознание и упал в реку. Сил, чтобы самостоятельно выбраться из воды, не осталось, и ему просто повезло, что его спасли. Придя в себя, он подумал: «Это просто смехотворно. Несмотря на все лишения, я ни на шаг не приблизился к Истине. Это пустая трата времени, большая ошибка».

И великий аскет Сиддхартха Гаутама снова стал нормально питаться. Пятерых его учеников это совсем не вдохновило. Дело в том, что они были не столько учениками, сколько поклонниками, попутчиками. Они ожидали, что все усилия будет прилагать Сиддхартха, и просто цеплялись за него в надежде, что свет его достижений упадет и на них. «Когда благодаря своему аскетизму он придет к цели, мы первые от этого выиграем», — думали они. Поэтому все пятеро были очень разочарованы, когда Сиддхартха решил дать своему телу то, в чем оно нуждалось. «Он отступает», — говорили они друг другу, — возвращается к роскоши мирской жизни. Теперь ясно, что он не тот, за кого мы его принимали». И они с возмущением покинули его. Сиддхартха снова остался один.

Только через шесть лет после того как царевич покинул дворец, он добрался до места, ознаменовавшего завершение его духовного поиска. На территории современного штата Бихар, в селении, которое тогда называлось Урувела, а теперь зовется Бодхгая, он нашел у реки рощу прекрасных деревьев. Место показалось ему идеальным для того, чтобы сесть и заняться медитацией. И вот, когда он сидел в тени, обдуваемый прохладным ветерком, его внезапно посетило воспоминание, указавшее путь вперед. Он вспомнил переживание тридцатилетней давности, когда он сидел под другим деревом, пока его отец открывал начало сева. Сиддхартха стал осторожно нащупывать путь к этому цельному состоянию сосредоточения — не пытался вызвать его силой, а просто предоставил ему прийти, избавившись от всего, что препятствовало его возникновению. Пока он сидел там, жена пастуха из близлежащей деревни принесла ему риса с молоком. Он поел, и пища насытила его, придала силы. Пришел косец, дал ему охапку травы *куша* для сидения. Сиддхартха удобно устроился на ней и продолжил медитацию. Он по-

грузался в нее всё глубже и глубже, проходя последовательные уровни состояний, запредельных обычному сознанию.

Неизвестно, сколько времени он там просидел. Может, несколько дней, может, несколько недель, а может, даже несколько месяцев. Известно только, что в ночь вайшакха пурнимы царевич узрел решение задачи, над которой его ум бился с тех самых пор, как четыре встречи побудили его к поиску истины. Он не только увидел это решение, но и понял его, погрузился в него, стал с ним единым целым и пережил его. Испытав полное озарение, он стал просветленным.

Некоторые ранние тексты пытаются дать нам представление о содержании этого переживания, но сделать это отнюдь не просто. Просветление по сути своей невыразимо. Его не охватить рассудочным умом. Однако для начала можно сказать, что это состояние чистой, ясной, сияющей осознанности. Иногда уточняют, что в таком состоянии осознанности человек уже не делает эмоционального различия между собой и другими. Полностью исчезает ощущение, что у нас есть внутренний мир в противоположность миру внешнему. Есть лишь непрерывная осознанность, чистая и однородная, беспрепятственно простирающаяся во всех направлениях. И еще, она представляет собой осознание вещей такими, какие они есть на самом деле. То есть мы больше не осознаём вещи как объекты, преодолеваем двойственность субъекта и объекта. Поэтому такое чистое, ясное осознание называют также осознанием истинной реальности. Это состояние знания, но здесь речь идет не об обычном знании, когда мы накапливаем совокупность представлений о вещах, а, скорее, о способности видеть «вещи» прямо и верно без посредника, то есть отдельного выдающего субъекта. Это духовное видение — можно даже сказать, сверхчувственное видение, свободное от любого заблуждения, непонимания, ошибочного или извращенного мышления, от неясности и умственной несвободы, от любых предрассудков.

Но это еще не всё. Просветление можно описать как полное озарение, как запредельную осознанность, как высшую мудрость. Но это еще и переполняющее вас чувство любви и сострадания ко всему живому. Его также описывают как

высочайшее блаженство или полное освобождение — блаженство, которое приносит свобода от всех субъективных бед и ограничений обусловленного бытия. Поэтому ему также свойственны неиссякаемая, бьющая ключом энергия, полная спонтанность, безграничное творческое начало. В то же самое время, ни один из этих аспектов просветления не проявляется отдельно от прочих. Таким образом, подлинное переживание вообще невозможно описать. Только размышляя о Дхарме — размышляя об учениях Будды, равно как и о его личном примере, только глубоко общаясь с друзьями и, прежде всего, занимаясь медитацией, можно получить истинное представление о том, в чем заключается просветление Будды.

В традиционных описаниях говорится, что просветление Будды рождалось или расцветало постепенно, по мере того как длилась ночь полнолуния, весака. Согласно одному из таких описаний, в первую треть ночи Будда смотрел в прошлое, «во мрак прошедшего и времени пучину». ⁸ Он окинул взглядом всю историю человечества, миллионы лет эволюции. Мы узнаём, что он смог обозреть все свои предыдущие жизни, увидеть, что он делал и каковы были последствия его действий. Он увидел предпосылки, которые создал, и следствия, к которым они привели. И он увидел, что всё это исчерпалось, пришло к концу. Он преодолел весь процесс обусловленного бытия.

Затем, во вторую треть ночи, он смотрел окрест, обозревая всю вселенную, и увидел самых разных существ: людей, животных, даже обитателей высших миров. Он увидел, как каждое из них появилось, как в зависимости от того, что делало, стало тем, чем стало, иными словами, как перерождаются существа в зависимости от своей кармы. Он увидел, что это происходит на всех уровнях мирского бытия, от глубочайшей адской бездны до высшего мира богов.

Наконец в последнюю треть ночи он направил ум на уничтожение *асрав* — буквально, «склонностей». Асравы — это естественные склонности ума, его глубоко укоренившиеся тенденции к обусловленному бытию, а не к тому, что не обусловлено, к тому, что нереально, а не к истинной реальности. Всего асрав три: пристрастие, или склонность, ума к чувственному ощущению; склонность к существованию в

качестве отдельной личности, сосредоточенной на собственном «я», и склонность к духовному неведению, то есть непониманию истинной реальности. И вот, он направил чистый, сосредоточенный ум на их уничтожение, и к утру, когда взошло солнце, понял, что для него асравы полностью уничтожены. Просветление было достигнуто. Сиддхартха Гаутама стал Буддой.

